

УПРАВЛЯЮЩАЯ
АКАДЕМИЕЙ НЕВЕСТ,
или
ДРАКОН
НЕ ПО ПЛАНУ
Ольга Граф

Ольга Граф

**Управляющая Академией
невест. Дракон не по плану**

«Литнет»

2026

Граф О.

Управляющая Академией невест. Дракон не по плану / О. Граф —
«Литнет», 2026

Я спасала элитные учебные заведения всю свою жизнь. А потом очнулась в другом мире. В Академии невест. Здесь девушек учат красиво улыбаться, молчать и выходить замуж за тех, кого выберет империя. А меня считают никем: временной управляющей, почти прислугой, женщиной без титула и права голоса. Зря. Я сразу вижу: академия разваливается, бюджет воруют, воспитанниц ломают под чужие правила, а через несколько дней сюда прибудет последний дракон древнего рода — выбирать себе невесту. Он холоден, опасен и равнодушен ко всем. По крайней мере, был. Пока не коснулся меня. Теперь на моей коже горит метка истинной, Академия мечтает от меня избавиться, дракон уверен, что я принадлежу ему, а я всё ещё не понимаю, почему в этом мире слово “невеста” звучит как приговор. Ничего. Сначала наведу порядок в Академии. Потом объясню дракону, что я не пункт в его брачном договоре.

Содержание

Глава 1. Первый день	5
Глава 2. Список дел растёт	12
Глава 3. Проблемы начинают решаться	19
Глава 4. Инкогнито	24
Глава 5. Разговор у ворот	28
Глава 6. Официальный визит	33
Глава 7. Она выбрала	39
Глава 8. Истинная	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Глава 1. Первый день

Первой мыслью было: где я?

Второй: чья это рука?

Рука лежала перед лицом на белой подушке с вышитой монограммой — изящная, с длинными пальцами, со следом от кольца на безымянном, которого сейчас нет. Чужая. Моя рука была другой — чуть шире в ладони, со шрамом от неудачно открытой консервной банки в двадцать три года.

Этот шрам отсутствовал.

Я лежала и смотрела на эту руку примерно восемь секунд. Потом сделала то, что умею делать лучше всего в ситуациях, когда непонятно вообще ничего: начала собирать информацию.

Потолок — расписной, синие птицы на потускневшем золоте, облупившиеся по краям. Дорого когда-то. Сейчас — запущенно. Окно справа, за ним — серое утро, слышно, как где-то далеко переговариваются женские голоса. Кровать большая, с балдахином, простыни пахнут лавандой и чем-то ещё — не неприятным, незнакомым. На стуле у окна перекинута платье цвета тёмной охры, явно приготовленное с вечера.

Моей одежды — джинсов, свитера, кроссовок — не было нигде.

Я села.

Голова откликнулась лёгким головокружением — не болью, скорее ощущением чужеродности, будто мозг и тело ещё не договорились. Тело было другим: чуть стройнее, чуть выше. Волосы — длинные, тёмные, рассыпавшиеся по плечам. Я поймала своё отражение в зеркале у двери и секунду просто смотрела.

Красивое лицо. Моложе моего на несколько лет. Незнакомое.

Хорошо. Значит, так.

Пятнадцать лет в антикризисном управлении учат одному: паника — это роскошь, которую нельзя себе позволить в рабочее время. Всё остальное — потом, в нерабочее, которого у меня, как правило, не бывает. Я оказалась в чужом теле, в чужой комнате, в неизвестном месте. Это была нестандартная ситуация. Нестандартные ситуации требуют стандартного подхода: сначала понять, где ты, потом понять, что происходит, потом решить, что делать.

Я встала, подошла к окну и посмотрела вниз.

* * *

Двор был большой — мощёный светлым камнем, с фонтаном в центре, с подстриженными кустами по периметру. По дорожкам ходили девушки в одинаковых платьях цвета сливок. Не прогуливались — именно ходили: спины прямые, шаги размеренные, руки сложены определённым образом. Учебная прогулка. Рядом с каждой группой — женщина в тёмном, с видом человека, который давно устал поправлять осанку, но не может остановиться.

Учебное заведение. Закрытое, дорогое, с традициями — это читалось даже отсюда, сверху, по тому, как двигались девушки: слишком похоже, слишком одинаково. Так двигаются люди, которых долго учили двигаться правильно.

Я потратила ещё минуту на то, чтобы надеть платье с охрой — шнуровка сзади оказалась неожиданно интуитивной, тело, кажется, помнило, как это делается, — и вышла из комнаты.

В коридоре пахло воском для паркета и чем-то цветочным. Широкий, с высокими потолками, с портретами в тяжёлых рамах по стенам — женщины в торжественных платьях, с одинаково прямыми спинами. Таблички под портретами я читала на ходу: имена и даты. Самый ранний портрет — двести лет назад. Академия с историей.

Я шла, не зная куда, и ждала, пока кто-нибудь меня остановит. Это был расчёт: в незнакомом месте, где тебя должны знать, лучше дать людям подойти самим. Так узнаёшь больше. Долго ждать не пришлось.

* * *

— Алина Скерри!

Голос застал меня у лестницы — звонкий, взволнованный, явно молодой. Я остановилась и обернулась с выражением человека, который никуда не спешит.

Девушка лет семнадцати бежала по коридору — вернее, делала что-то среднее между быстрой ходьбой и бегом, явно сдерживаясь, потому что бегать здесь, по всей видимости, было нельзя. Тёмно-рыжие волосы выбились из причёски, на щеках — румянец. Она остановилась передо мной и перевела дух.

— Вы уже встали! Я принесла вам завтрак, но вас не было в комнате, и я подумала...

— Всё хорошо, — сказала я. Она смотрела на меня с такой смесью облегчения и тревоги, что я решила немного замедлить темп. — Я просто хотела осмотреться.

— Конечно. Конечно, вы же только приехали ночью, вы же ещё не знаете... — Она запнулась. — То есть, вы же не успели... — Ещё одна пауза, более неловкая. — Меня зовут Дэя. Я ваша личная горничная. Пока вы здесь.

«Пока вы здесь» она произнесла с тем особым ударением, которое означало: она не ожидает, что я задержусь надолго.

Значит, временная. Хорошо.

— Дэя. — Я повторила имя, запоминая. — Где здесь можно позавтракать?

— Малая столовая для персонала, первый этаж. Или я могу принести в кабинет — вам уже выделили кабинет, там документы и...

— В кабинет. — Я снова двинулась к лестнице. — Показывай дорогу.

Дэя пошла рядом, чуть-чуть сзади — та самая позиция человека, который одновременно сопровождает и не равен. Я запомнила это.

— Госпожа директриса сегодня в своих покоях с утра, — сказала Дэя через несколько шагов, осторожно. — Она просила передать, что примет вас в полдень.

— Хорошо.

— И ещё... — Она помолчала. — Воспитанницы знают, что вы здесь. Утром уже говорили.

— Что говорили?

Дэя слегка замялась.

— Что племянница директрисы взяла управление. Что вы из столицы. Что вы... — ещё одна пауза, — ...что вы строгая.

Я посмотрела на неё.

— Они меня видели?

— Нет. Но... говорят. — Она сказала это таким тоном, что было ясно: источник слухов конкретный, и она его знает, но называть не намерена.

Значит, репутация пришла раньше меня. Или раньше той, чьё место я занимаю.

— Понятно, — сказала я. — Веди.

* * *

Кабинет оказался на втором этаже, в торце восточного крыла. Небольшой, но с высокими окнами, с видом на тот же внутренний двор. Стол — большой, деревянный, потемневший от времени — был завален бумагами так, как будто кто-то срочно съезжал и не успел разобрать архив. Или, наоборот, срочно разбирал, и что-то ему помешало.

Я встала у окна, пока Дэя расставляла на краю стола поднос — хлеб, что-то похожее на творог, горячий напиток с запахом трав. Смотрела во двор.

Девушки внизу уже ушли с утренней прогулки. Двор опустел, только двое слуг несли что-то тяжёлое к хозяйственному входу. Солнце наконец пробилось сквозь утреннюю серость и лежало неровными пятнами на светлом камне.

Красиво. Правильно. Всё на своих местах.

Почти.

— Дя, — сказала я, не оборачиваясь. — Сколько сейчас воспитанниц в Академии?

— Тридцать две. Из них восемь — те, которые участвуют в смотре.

— Когда смотр?

— Через девять дней. — Голос у неё стал чуть напряжённее. — Вы же знаете, госпожа. Вам же написали...

— Я хочу услышать от тебя, — перебила я мягко. — Расскажи про смотр. Что происходит, кто приезжает, как всё устроено.

Короткая пауза.

— Это большой смотр, — сказала Дя осторожно. — Не обычный. К нам приедет... — она понизила голос, хотя в кабинете нас было двое, — дракон. Последний из клана Драал. Асерон Драал. Он ищет невесту. То есть не просто невесту, а... говорят, он ищет истинную. Ну, это когда магия решает, и нельзя...

— Я знаю, что такое истинная пара, — сказала я. Что было неправдой, но «знаю» в данном случае означало «немедленно разберусь». — Дальше.

— Вместе с ним приедет представитель Императора. И несколько знатных семей, чьи дочери здесь учатся. И ведомство по... по контролю качества подготовки. — Дя явно не была уверена в официальном названии. — Это очень важно. Если всё пройдёт плохо, Академия...

Она не договорила, но я поняла.

Академия стоит на этом смотре. Или чья-то карьера. Или и то, и другое.

— Хорошо, — сказала я. — Ты можешь идти. Если понадобится, позову.

Дя вышла, тихо прикрыв дверь. Я повернулась к столу.

* * *

Есть я начала стоя, одной рукой держа хлеб, другой перебирая бумаги.

Первые двадцать минут ушли на то, чтобы разобраться, что здесь вообще есть и в каком порядке это лежит. Ответ: порядка нет, зато есть всё. Сметы, списки, расписания, письма, накладные, личные дела воспитанниц — всё вперемешку, с разными датами, некоторые явно перекладывались недавно и не туда.

Я разложила по стопкам. Финансовое — отдельно. Документы по воспитанницам — отдельно. Переписка — отдельно. Хозяйственное — отдельно. На это ушло ещё двадцать минут.

Потом взяла финансовую стопку и начала читать.

Сорок два золотых не сошлись в смете на подготовку к смотру. Это я нашла первым. Потом — поставщик продовольствия с ценами, переписанными поверх зачёркнутых. Потом — три строки в списке воспитанниц: «досрочно выбыла», без дат, без причин, без подписей. Потом — договор об аренде учебного инвентаря с компанией, которой, судя по дате регистрации, было два месяца от роду.

Я отложила эту бумагу и посмотрела в окно.

Значит, так.

Академия невест. Элитное заведение, дорогие платья, прямые спины, серьёзный смотр через девять дней. И финансы в состоянии, которое на профессиональном языке называется «катастрофа с красивым фасадом».

Я занималась такими местами. Ровно такими: снаружи — всё правильно, изнутри — всё давно гниёт, и все делают вид, что не замечают, потому что замечать страшнее, чем не замечать.

Разница была в том, что в прошлый раз меня сюда пригласили. Здесь я оказалась другим способом, и пока не вполне понимала — зачем.

Я взяла чистый лист и написала сверху: «День первый». Ниже — список того, что нужно выяснить в первую очередь. Список вышел длинным.

* * *

В половине двенадцатого в дверь постучали.

— Войдите.

Вошла женщина лет сорока пяти, невысокая, в платье цвета тёмной горчицы. Волосы убраны назад, лицо — из тех, что называют «приятным», когда не хотят говорить «обычным». Умные глаза. Усталые.

— Управляющая Скерри. — Она чуть поклонилась. — Я Тессер, старшая экономка. Госпожа директриса просила передать, что примет вас не в полдень, а в час. У неё неожиданное письмо с утра.

— Хорошо. — Я отложила перо. — Присядьте, Тессер.

Она присела — осторожно, на самый край стула, с видом человека, которого не часто приглашают присесть.

— Вы давно здесь работаете?

— Четырнадцать лет.

— Значит, вы знаете это место лучше, чем кто-либо. — Я смотрела на неё прямо. — Мне нужен человек, который объяснит мне, как здесь всё устроено на самом деле. Не как написано в уставе. На самом деле.

Тессер молчала несколько секунд. Что-то у неё в лице прошло — какое-то ожидание, не оправдавшееся в ту или иную сторону.

— Что вы хотите знать?

— Для начала — почему прачечная не работает нормально три недели.

Она моргнула.

— Откуда вы...

— Увидела в бумагах — Я взяла перо. — Труба?

— Да. Я докладывала госпоже Вессер дважды. Она сказала — не срочно, ждать после смотра.

— Три недели до смотра — это срочно. — Я написала пункт в список. — Кого нужно вызвать?

— Мастер Хорр. Он обычно делает всё в хозяйственном крыле.

— К третьему часу сегодня пусть будет здесь. Скажите от моего имени.

Тессер снова помолчала. На этот раз — иначе. Не с осторожностью, а как будто что-то взвешивала.

— Я скажу, — произнесла она наконец. — Ещё что-то?

— Пока нет. Спасибо, Тессер.

Она встала, снова чуть поклонилась и пошла к двери. У порога остановилась.

— Управляющая Скерри.

— Да?

— Вы не похожи на то, что я ожидала. — Она произнесла это ровно, без оценки — просто констатация. — Это хорошо или плохо, я пока не знаю.

И вышла.

Я смотрела на закрытую дверь и думала, что это, пожалуй, самая честная вещь, которую мне сегодня сказали.

* * *

До встречи с директрисой оставался ещё час с лишним. Я использовала его правильно: взяла список воспитанниц и пошла смотреть на Академию сама.

Не потому что мне дали разрешение. Просто потому что нужно было.

Академия была большой — три крыла вокруг центрального двора, плюс хозяйственный корпус отдельно. Первый этаж — парадный: залы для занятий, библиотека, комнаты для приёмов. Всё дорого, всё правильно, всё с той особой ухоженностью, за которой, если посмотреть внимательно, виден недавно подкрашенный облупившийся угол.

Я смотрела внимательно.

Зал для танцев — паркет разошёлся в дальнем конце, заклеен вощёной бумагой и прикрыт ковром. Библиотека — на полках в центре всё идеально, в дальних рядах пыль. Комната для этикета — зеркала в двух из четырёх простенков потускнели, отражение в них смазанное.

Я делала пометки и шла дальше.

Воспитанниц я видела издали — группами, на занятиях или между ними. Они провожали меня взглядами, пока я проходила мимо. Не все — некоторые демонстративно смотрели в другую сторону, что само по себе тоже было взглядом. Я ни с кем не останавливалась, просто шла и замечала.

У входа во второй этаж северного крыла меня остановил голос.

— Вы Скерри?

Я обернулась.

Девушка стояла у окна — облокотилась на подоконник с видом человека, которому скучно притворяться, что ему не скучно. Тёмные волосы, острый взгляд, платье такое же, как у остальных, но на ней оно сидело иначе — как будто она его надела намеренно, а не потому, что положено.

— Да, — ответила я.

— Слышала, вы уже успели наехать на Тессер насчёт прачечной.

— Я не наезжала. Я попросила починить трубу.

Девушка чуть приподняла бровь.

— Она жаловалась на эту трубу три недели. Никто её не слушал. — Короткая пауза. — Я Аелиа Вейская. Второй курс.

— Аелиа. — Я отметила имя. — Что ещё не работает, кроме трубы?

Она смотрела на меня секунду — с тем особым выражением, которое бывает у умных людей, когда они решают, стоит ли отвечать честно.

— Много, — сказала она наконец. — Но вас же сюда не за этим прислали.

— За чем же?

Она усмехнулась — коротко, без веселья.

— Не знаю. Но предыдущие временные управляющие тоже начинали с вопросов. Потом переставали задавать.

— Почему?

— Потому что им объясняли, какие вопросы здесь задавать не следует.

Она отлепилась от подоконника и пошла по коридору — не торопясь, с той же скучающей лёгкостью, с какой стояла.

— Аелиа.

Она остановилась, не оборачиваясь.

— Спасибо, — сказала я.

Короткая пауза. Потом она пошла дальше, и мне показалось — хотя я не была уверена — что она едва заметно кивнула.

* * *

Директриса Вессер приняла меня ровно в час.

Её кабинет был вдвое больше моего и вдвое менее захламлён — здесь явно знали, что такое производить впечатление. Высокие книжные шкафы, стол красного дерева, два кресла

у окна с видом на сад. Всё говорило: здесь сидит человек, который давно всё решил и не нуждается в чужом мнении.

Директриса Вессер оказалась женщиной лет пятидесяти пяти — высокой, прямой, с лицом, привыкшим не показывать то, что думает. Она посмотрела на меня так, как смотрят на явление, которое терпят, потому что деваться некуда.

— Племянница. Алина. — Не «управляющая Скерри». Просто «Алина». — Садись.

Я села.

— Ты приехала позже, чем я рассчитывала, — сказала она, не садясь сама, стоя у окна.

— Ночь — это не лучшее время для знакомства с новым местом.

— Дорога заняла дольше, — сказала я. Это звучало правдоподобно.

— Неважно. — Она, наконец, села напротив. — Ты понимаешь, что тебе нужно сделать? Нет, хотела сказать я. Объясни.

— Хочу убедиться, что мы говорим об одном и том же, — сказала я вместо этого.

Она посмотрела на меня — быстро, оценивающе.

— Через девять дней сюда придет Асерон Драал. Последний дракон. Вместе с ним — имперская делегация и представители старших домов. Воспитанницы должны быть готовы. Академия должна выглядеть... достойно. Это всё, что от тебя требуется. Не более.

— Не более, — повторила я.

— Ты здесь не для того, чтобы что-то менять. — В её голосе появился тот особый тон, который я слышала от директоров учреждений не раз: предупреждение, завернутое в спокойствие. — Ты здесь для того, чтобы поддержать порядок, который уже есть. Понятно?

— Понятно, — сказала я.

Она кивнула — коротко, удовлетворённо. Встала, давая понять, что разговор окончен.

Я тоже встала.

— Тётя Вессер, — сказала я у двери.

Она обернулась. Что-то в её взгляде напряглось — едва заметно — от слова «тётя».

— Труба в прачечной. Мастер придёт в третий час сегодня. Я попросила Тессер организовать.

Пауза.

— Хорошо, — сказала директриса Вессер.

Я вышла.

* * *

Коридор снаружи был пуст. Я шла обратно в свой кабинет и думала.

«Не для того, чтобы что-то менять.»

Я занималась кризисным управлением пятнадцать лет. Меня нанимали именно затем, чтобы менять. Каждый раз. И каждый раз находился кто-то, кто говорил то же самое: «вы здесь не для того, чтобы менять, вы здесь поддержать то, что есть». Каждый раз это означало: есть что-то, что я очень не хочу, чтобы вы нашли.

Я почти дошла до своего кабинета, когда увидела её.

Девушка стояла у окна в конце коридора — неподвижно, спиной ко мне, смотрела в сад. Платье сливочного цвета, светлые волосы аккуратно убраны. Всё правильно. Всё на месте. И тем не менее что-то в том, как она стояла — чуть-чуть скованно, чуть-чуть слишком ровно — было похоже на человека, который очень старается не двигаться лишний раз.

Я остановилась.

Она услышала — или почувствовала — и медленно обернулась.

Красивое лицо. Очень правильное, очень спокойное. Глаза — светло-серые, почти прозрачные, и в них было что-то такое, что не сочеталось с правильностью лица. Что-то застывшее.

— Добрый день, — сказала она тихо.

— Добрый. — Я смотрела на неё. — Как тебя зовут?

— Лиоранна Серрейская. Первый курс, старшая группа.

— Лиоранна. — Я запомнила. — Всё в порядке?

Она моргнула — медленно, как будто само по себе это движение требовало усилия.

— Да. Всё хорошо. Спасибо, что спросили.

Она сказала это как формулу. Вежливо, ровно, без интонации. И снова повернулась к окну.

Я постояла ещё секунду. Потом пошла дальше.

Запомнить. Разобраться позже.

* * *

Вечером, когда Академия затихала и в коридорах гасили лишние фонари, я сидела у своего стола с чашкой остывшего травяного настоя и списком, который к этому часу вырос до двадцати семи пунктов.

Труба — починена. Это плюс.

Смета с недостатчей в сорок два золотых — не тронута. Это пока минус с пометкой «завтра».

Три воспитанницы без дат выбытия — не выяснено. Это тоже завтра.

Директриса Вессер хочет, чтобы я ничего не меняла. Аелиа говорит, что предыдущие управляющие переставали задавать вопросы. Лиоранна Серрейская смотрит в окно с глазами, в которых что-то застыло.

И через девять дней — дракон.

Я дописала в конце списка последний пункт: *что такое истинная пара и как это работает?* — и поставила жирный знак вопроса.

В Москве я бы уже звонила своей помощнице, просила собрать информацию, анализировала отчёты. Здесь не было ни помощницы, ни отчётов, ни привычных инструментов. Здесь было только то, что я умею: смотреть, слушать, думать.

И находить то, что прячут.

Я закрыла список, убрала его в ящик стола и потушила лампу.

За окном Академия спала — тихая, красивая, правильная.

Почти.

Добро пожаловать в цикл «Сильные попадания»!

Это истории о современных женщинах, которые попадают в магические миры и совершенно не готовы становиться удобными.

Они руководят, принимают решения, спорят, побеждают и ломают устоявшиеся порядки.

Все истории самостоятельные.

Глава 2. Список дел растёт

Список к утру второго дня насчитывал тридцать один пункт.

Я лежала в постели, смотрела в расписных птиц на потолке и методично расставляла приоритеты. Это мой стандартный способ начинать рабочий день: пока тело ещё не встало, голова уже работает. Экономит примерно час в день, и за пятнадцать лет я сэкономила, по моим подсчётам, около двух месяцев жизни.

Правда, непонятно, на что их потратила.

Итак. Финансовая недостача в смете — первое. Три воспитанницы без дат выбытия — второе. Компания с двухмесячной историей — это надо разобрать сегодня, потому что такие компании обычно появляются не сами по себе, а потому что кто-то очень хочет есть за чужой счёт. Лиоранна Серрейская с застывшими глазами — отдельный вопрос. Дракон через девять дней — это колонка, которую я назвала про себя «проблемы, с которыми в нашем мире не сталкиваются».

Я встала.

Начнём с компании. Компании — это понятно. Драконы — это потом.

* * *

Дэя принесла завтрак в половине восьмого. Я решила использовать её с умом — не потому что планировала допрос горничной с утра пораньше, а потому что в незнакомом месте самый ценный источник информации — человек, которому нечего скрывать.

У Дэи было нечего скрывать. Это было видно сразу.

— Дэя, — сказала я, не отрываясь от накладной. — Сколько стоит фунт муки в городе?

Она поставила поднос и удивлённо моргнула, как человек, ожидавший утреннего приветствия, но получивший товарную биржу.

— Фунт муки?

— Обычной. Пшеничной. На рынке.

— Ну... три медяка. Может, четыре, если хорошая.

— Масло?

— Восемь медяков. Дороговато стало в этом году.

— Говядина?

— Медяков двенадцать за фунт. Птица — восемь, если без потрохов.

Я взяла чистый лист и начала считать. Дэя стояла рядом с видом человека, который не понимает, что происходит, но уже решил, что это, вероятно, важно.

Ежемесячное довольствие на тридцать две воспитанницы и персонал по рыночным ценам — вот столько. А по накладной «Снабжения Ортейского», которая лежала у меня перед глазами — вот столько.

Разница в два с половиной раза. Компании два месяца от роду.

Ортейское. Дариэль Ортейская.

В моей практике совпадений не бывает. Никогда.

— Дэя. — Я отложила перо. — Кто стоит за «Снабжением Ортейским»?

Горничная слегка переменилась в лице — не сильно, но достаточно, чтобы я поняла: знает.

— Говорят... — начала она осторожно. — Говорят, что это племянник господина Ортейского. Отца одной из воспитанниц.

— Договор подписала директриса?

— Да, — сказала Дэя и уставилась в поднос.

Конечно.

Я положила ручку на стол аккуратно. Потому что класть её с нужным усилием в тот момент, когда думаешь о том, о чём я думала, — чревато.

— Представитель компании сегодня приедет?

— По средам. К одиннадцати, к хозяйственному входу.

Я посмотрела на часы. Было без четверти девять.

Отлично. Успею позавтракать и написать уведомление.

* * *

К хозяйственному входу я пришла в пять минут двенадцатого и обнаружила там телегу, двух работников и молодого человека лет двадцати пяти — аккуратного, в хорошем камзоле, с видом человека, привыкшего к тому, что его здесь всегда ждут.

Он явно не ожидал увидеть меня.

— Вы от «Снабжения Ортейского»? — спросила я.

— Да, госпожа. Еженедельная поставка. Тессер должна принять...

— Тессер занята. Принимаю я. — Я взяла накладную из его рук, не дожидаясь, пока он предложит. — Управляющая Скерри.

Он дёрнулся — едва заметно. Слышал обо мне. Хорошо.

Я раскрыла накладную и начала читать вслух — спокойно, в среднем темпе, как на скучном совещании:

— Мука пшеничная, двести фунтов, по девять медяков. На рынке — три. Это тройная наценка.

— Качественная мука, доставка включена в цену...

— Масло сливочное, пятьдесят фунтов, по двадцать два медяка. На рынке — восемь. — Я перелистнула. — Говядина — двадцать семь за фунт. На рынке — двенадцать.

— Цены установлены договором, и госпожа директриса лично...

— Ваша компания зарегистрирована два месяца назад, — перебила я. — До вас поставки вела артель Тимма. Контракт расторгли в сентябре, после восьми лет. — Я закрыла накладную и вернула ему. — На каком основании?

В его взгляде шла напряжённая внутренняя работа.

— Это коммерческое решение. Я не уполномочен...

— Кто уполномочен?

— Господин Ортейский. Владелец.

— Прекрасно. — Я протянула ему бумагу, написанную ещё за завтраком. — Уведомление о приостановлении поставок до сравнительного анализа цен. Передайте господину Ортейскому. Если он хочет сохранить контракт — пусть приедет и объяснит мне ценовую политику лично.

— Вы не можете — договор подписан директрисой...

— Я несу ответственность за подготовку к смотру господина Драала. — Я произнесла это имя намеренно спокойно. — Если что-то пойдёт не так из-за нехватки бюджета — вопросы будут к тому, кто допустил нецелевое расходование средств. Вы хотите стоять рядом с этим человеком?

Работники у телеги старательно изучали лошадей.

— Сегодняшнюю поставку примите, — сказал молодой человек наконец. — Уведомление передам.

— Разумно.

Я пошла обратно, не торопясь.

Он скажет директрисе. Это неизбежно. Вопрос — как скоро.

Ответ пришёл через двадцать минут.

* * *

Записку от госпожи Вессер принесла Дэя — быстро, с видом человека, которому поручили неприятное. «Зайдите немедленно» — без подписи, но почерк я уже знала.

Немедленно. Значит, новости доходят быстро.

Кабинет директрисы был таким же, как вчера: всё на месте, всё продуманно, всё говорит «здесь принимают решения». Госпожа Вессер стояла у окна — не сидела, именно стояла, что само по себе уже сигнал.

— Алина. — Голос был ровный, но в нём было что-то, что бывает перед грозой: тишина с давлением. — Объясни мне, что произошло сегодня у хозяйственного входа.

— Я приостановила поставку от «Снабжения Ортейского» до проведения ценового анализа, — сказала я так же ровно.

— Этот договор подписала я.

— Я знаю.

— Значит, ты понимаешь, что подписанный директрисой договор ты не имеешь права...

— Я несу ответственность за подготовку Академии к смотру, — перебила я спокойно. — В рамках этой ответственности я обязана убедиться, что бюджет расходуется корректно. Мука по девять медяков за фунт при рыночной цене три — это не корректно. Это то, что любая проверочная комиссия заметит первой.

Пауза.

В этой паузе происходило что-то важное — я видела это по тому, как изменилось лицо Вессер. Она просчитывала. Она была умной женщиной, и умные женщины, когда их загоняют в угол, не бросаются вперёд — они ищут другую дверь.

— Ты здесь временно, — сказала она наконец. — Твоя задача — подготовить воспитанниц к смотру, а не аудировать хозяйственные договоры.

— Разумеется. — Я чуть наклонила голову. — Именно поэтому я нерываю договор — только приостанавливаю. Если господин Ортейский приедет и объяснит ценообразование, всё решится само собой. — Я сделала паузу. — А если не приедет — мы с вами вместе решим, как это объяснить смотровой комиссии.

«Вместе» было ключевым словом. Я видела, как она его услышала.

— Хорошо, — сказала директриса. Медленно. — Но впредь — любые решения по договорам согласовывать со мной.

— Конечно, — сказала я.

Это был не разгром и не победа. Это была ничья с правом продолжить игру.

Пока меня устраивает.

* * *

Она ждала меня у кабинета.

Просто стояла у двери — прямая, в тёмно-синем, скрестив руки. Не нервно, а как человек, который принял решение и теперь его исполняет. Я видела её вчера в общем дворе — запомнила взгляд: слишком внимательный для девушки, которая просто гуляет.

— Управляющая Скерри? — сказала она. Не вопрос — проверка.

— Да.

— Дариэль Ортейская. — Она произнесла собственное имя как предупреждение. — Мне нужно с вами поговорить.

Ортейская. Разумеется.

Интересно, она пришла защищать схему или сдать её.

— Зайдите, — сказала я и открыла дверь.

Она вошла, огляделась по сторонам — быстро, цепко, как оценивают новое место, — и осталась стоять. Садиться не стала. Я тоже.

— Вы говорили с представителем нашей компании, — сказала она.

— Говорила.

— И приостановили поставку.

— Приостановила.

Она смотрела на меня. Я смотрела на неё. Пауза получилась продуктивной.

— Вы знаете, что за этим стоит, — сказала она наконец. Снова не вопрос.

— Догадываюсь. — Я подошла к столу, но садиться не стала — когда разговариваешь с кем-то, кто стоит, стол между вами это не нейтральная территория, это барьер. — Ваш отец заплатил директрисе за ваше место. Компания — возврат вложений.

Что-то на её лице дрогнуло — не смущение, скорее раздражение от того, что скрывать уже нечего.

— Да.

— И вы это знаете.

— В нашем доме это не тайна.

Честно. Грубо, но честно. Хорошо.

— Дариэль. — Я смотрела на неё прямо. — Я не ваш враг и не ваш судья. Мне нужен смотр без дыры в бюджете. Если ваш отец приедет и объяснит мне, почему мука стоит девять медяков при рыночных трёх — договор останется. Я не собираюсь топить людей ради принципа.

— А ради чего вы собираетесь? — спросила она. Остро, с прищуром.

Хороший вопрос, кстати.

— Ради того, чтобы через девять дней здесь всё работало так, как должно. — Я взяла перо. — Это всё.

Она молчала секунду. Что-то в ней перекладывалось — не взгляды, а расчёты.

— Виллейн Сорр теряется в больших залах, — сказала она вдруг, без перехода. — Если будет выход в парадном — её надо ставить иначе. Ближе к центру. Это к сведению.

Я смотрела на неё.

— Спасибо, — сказала я.

— Не за что. — Она пошла к двери. — И отец придёт, — добавила уже у порога. — Он не захочет терять контракт.

Дверь закрылась — тихо, аккуратно. Без хлопка.

Дариэль Ортейская. Умная. Осторожная. Пришла посмотреть на меня и заодно выдать немного полезного — чтобы я понимала, что с ней лучше дружить, чем воевать.

Принято к сведению.

Я дописала в список: *поговорить с Ортейским-старшим* — и добавила ещё одну строку:

Дариэль — наблюдать.

* * *

После обеда я пошла в лазарет.

Не потому что плохо себя чувствовала. Потому что утром, перебирая личные дела воспитанниц, наткнулась на строчку, которой не было больше ни у кого из тридцати двух: «поддерживающий курс — ежедневно, до конца учебного года». Никакого диагноза, никакого обоснования — просто строчка.

Паттерны в документах я нахожу раньше, чем большинство людей успевают сказать «всё в порядке».

Лазарет — первый этаж, восточное крыло, запах сушёных трав и пыльного дерева. Лекарь оказался пожилым, с бровями такой выдающейся густоты, что за ними можно было прятать небольшие тайны. Судя по тому, как он смотрел на меня при входе, — он именно так и делал.

— Добрый день. — Я закрыла за собой дверь. — Расскажите мне про ежедневный курс Лиоранны Серрейской.

— Это конфиденциально...

— Я управляющая этого учреждения, и всё, что происходит с воспитанницами в его стенах — моя компетенция. — Я подошла к шкафу и начала читать этикетки. — Или разговариваем сейчас, или я пишу официальный запрос, и это становится частью проверочной документации к смотру. Выбирайте.

Брови опустились низко.

— Что вы хотите знать?

— Вот это. — Я сняла с полки маленький флакон тёмного стекла, без подробной маркировки. — «Состав успокоительный, № 4». Что делает?

Долгое молчание. Я начала считать секунды.

— Снимает тревожность, — сказал он наконец. — Сглаживает эмоциональные реакции. Человек становится... спокойнее.

— Мягче?

— Можно сказать и так.

Лиоранна у окна с застывшими глазами.

Правильные жесты, правильная осанка — и абсолютная тишина внутри.

Вот, значит, как.

— С чьего назначения?

Он молчал. Это было ответом.

— Слушайте. — Я поставила флакон на стол между нами. — Через девять дней сюда придет дракон. Если он выберет Лиоранну, а она в этот момент на зелье — это фальсификация истинной пары. Вы понимаете, что бывает, когда дракона обманывают?

Брови поползли вверх.

— Понимаю, — сказал лекарь. Тихо.

— Курс прекращается с сегодня. Если директриса спросит — вы обнаружили противопоказание. Что-нибудь убедительное. Вы же лекарь — придумаете.

Он кивнул. Медленно, но кивнул.

Я взяла флакон и убрала в карман — просто чтобы он не передумал.

В коридоре я остановилась у стены и разрешила себе минуту подумать.

Кто-то хотел подсунуть дракону конкретную невесту в полудурманенном состоянии.

Это уже не халатность. Это план.

Чей — пока непонятно. Зачем — тоже.

*Пункт тридцать два: *выяснить, чья идея с зельем и почему именно Лиоранна*.*

* * *

Лиоранну я нашла в коридоре второго этажа в четыре часа — она шла с урока с видом человека, который полтора часа выводил завитушки и ещё не совсем вернулся.

— Лиоранна.

Она остановилась. Развернулась медленно, той самой ватной плавностью.

— Да, госпожа управляющая.

— Завтра утром пропустите первый урок. Скажите, что я разрешила. — Я смотрела на неё без спешки. — Пройдитесь по саду. Не по учебному маршруту — просто так, куда захочется.

Она моргнула медленно.

— Куда... захочется?

— Да. Это разрешено.

Прозрачные глаза смотрели на меня с выражением человека, которому сказали слово на языке, который он знал когда-то, но давно не слышал.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Спасибо.

Я кивнула и пошла дальше.

Завтра посмотрим, кто из неё выйдет без зелья. Надеюсь — кто-то интересный.

* * *

В парадный зал я пришла к шести — убедиться, что стулья убрали, как я распорядилась с утра. Убрали. Хороший знак: меня начинали воспринимать всерьёз.

Мэрион выстраивала воспитанниц для входа. Я встала у дальней стены и смотрела.

Семь из восьми двигались хорошо. Лиоранна двигалась так, словно её ведут за нитку: каждый жест выверен, каждый угол правильный — и совершенно мёртвый. Вспомнила слова Даризель о Виллейн Сорр — рыжеволосой, которая запела, когда по программе до этого дошло. Голос сильный, тёплый. Но в парадном зале верхний регистр чуть терялся — акустика другая.

— Мэрион. Переставьте Виллу на два шага правее. Вон тот угол даёт другое отражение.

Мэрион посмотрела на угол. На Виллу. На меня — с выражением человека, который знал правильный ответ давно, но его не спрашивали.

— Я предлагала это три месяца назад. Мне объяснили, что позиции не меняются.

— Теперь меняются.

Вилла встала иначе. Взяла первую ноту — голос лёг в зал по-другому: шире, полнее. Несколько воспитанниц переглянулись. Мэрион стояла прямо и смотрела в точку над их головами, но что-то в её лице стало чуть менее каменным. Совсем чуть. Но я заметила.

* * *

Письмо пришло в восемь вечера — тиснённый конверт, имперская печать. Дэя принесла его с видом человека, несущего что-то живое и непредсказуемое.

— От делегации господина Драала, — сообщила она полушёпотом.

Я сломала печать. Три строки. Хороший почерк, без завитушек.

Смысл: Асерон Драал пересмотрел маршрут. Новый срок прибытия — через пять дней. Не девять. Пять.

Я опустила письмо и посмотрела в темнеющее окно.

Пять дней.

У меня двадцать восемь незакрытых пунктов. Поставщик ждёт разговора. Ортейский-старший обязательно придёт — злой, с директрисой за спиной. Лиоранна завтра утром впервые за бог знает сколько времени пойдёт куда захочется. В смете дыра в сорок два золотых. И где-то в этом здании живёт человек, у которого был план насчёт дракона и конкретной одурманенной невесты.

И на всё это — пять дней.

Прекрасно. Люблю, когда ненапряжённо.

— Дэя, — позвала я.

— Да?

— Скажи Тессер, что завтра с утра — встреча: она, Мэрион и я. До первого урока.

— Прямо сейчас?

— Лично. Не запиской.

Люди серьёзнее воспринимают новости, когда их приносят живые люди — это универсальный закон коммуникации.

Дэя ушла. Я перечитала последнюю строку письма: *Господин Драал выражает надежду, что Академия будет готова принять его в указанный срок.*

Господин Драал выражает надежду.

Мило. Я тоже выражаю надежду — что у него хватит терпения подождать, пока я разберусь с тем, что тут устроили в его честь. Потому что «принять дракона» и «подсунуть дракону одурманенную невесту в здании с дырявым бюджетом» — это, на мой взгляд, разные вещи.

Я взяла чистый лист, написала вверху: «Пять дней. Приоритеты» — и принялась за список.

Он занял обе стороны листа.

Потом, отдельно, внизу, одна строка — подчёркнута дважды:

Что такое истинная пара и как это работает — разобраться до его приезда.

Потому что в моей работе незнание всегда стоит дороже всего остального. А это слово — «истинная» — звучало уже трижды за два дня. И каждый раз — так, словно меняет всё.

Мне не нравится, когда что-то меняет всё, а я не знаю как именно.

Если вам нравится история - обязательно загляните в «*В постели Дракона*» — раз в тысячу лет дракон выбирает человеческую невесту на одну ночь... но нарушает собственные правила.

Глава 3. Проблемы начинают решаться

Лиоранну я увидела в саду в половине девятого.

Я шла к хозяйственному корпусу с папкой документов и задачей уточнить у Тессер, есть ли в Академии хоть один поставщик, не связанный родственными узами с кем-то из директорского окружения. Ответ на этот вопрос меня уже почти не удивил бы.

Лиоранна стояла посреди газона — не на дорожке, именно на газоне, в двух шагах от подстриженного куста — и смотрела на него. Просто смотрела. Никакой учебной цели, никакого правильного угла спины, никакой осанки. Просто стояла и смотрела на куст.

Я остановилась.

Потом куст, видимо, что-то ей сделал, потому что она наклонилась, сорвала с него небольшую ветку и понюхала. С тем выражением, с которым обычно нюхают вещи, которые тебе нравятся и которые ты давно не нюхал.

Значит, зелье уже отступает.

Хорошо.

Я пошла дальше. Краем глаза заметила, как Лиоранна обернулась — не на меня, просто посмотрела вокруг, будто проверяла, что мир всё ещё на месте. И в этом взгляде было что-то такое, что я не стала её окликать.

Пусть постоит с кустом.

Ей, кажется, давно никто не разрешал.

* * *

Юния врезалась в меня на повороте к библиотеке.

Буквально — она выскочила из-за угла с кипой книг и тетрадей, не вписалась в поворот, и мы секунду балансировали как два человека, решающих одновременно одну задачу: книги или гордость.

Книги победили. Она поймала верхние три тетради, я поймала одну книгу, которая летела в мою сторону. «Этикет высшего двора: практическое пособие», третье издание, потрепанное.

— Извините! — Она прижала всё к груди и уставилась на меня. — Я не смотрела, куда... — И осеклась.

Большие глаза. Тёмные, растерянные. Лицо молодое — моложе, чем у большинства здесь, — и на нём сейчас читалось примерно следующее: я только что чуть не сбила с ног управляющую и теперь умру.

— Всё в порядке. — Я вернула ей книгу. — Ты Юния?

Она моргнула.

— Да. Откуда вы...

— Список воспитанниц. — Я посмотрела на её стопку. — Это всё к одному уроку?

— К трём, — призналась она. — У меня сегодня три подряд, и я хотела успеть до начала, потому что вчера не дочитала, и теперь...

Она говорила быстро и слегка виновато, как человек, привыкший объяснять себя заранее — на случай, если не так поймут.

Понятно. Из тех, кого здесь не ждали и кто пытается соответствовать.

— Юния. — Я остановила её. — Ты не обязана знать всё. Тебе нужно знать нужное. Это разные вещи.

Она смотрела на меня, будто я сказала что-то неожиданное. Наверное, так и было.

— Хорошо, — сказала она наконец.

— Иди. Не опаздывай.

Она пошла — чуть быстрее, чем надо, но уже без виноватого наклона головы.

Стипендиатка. Первая в истории Академии, если верить документам. Девочка, которую сюда поместили как «незаметный источник информации» для кого-то наверху.

Она об этом не знает. Это хорошо видно.

Это и плохо, и важно.

* * *

Ортейский-старший приехал в одиннадцать. Без предупреждения — просто появился у входа с видом человека, привыкшего входить туда, куда хочет.

Тессер сообщила мне об этом с лицом человека, который ждал неприятностей и вот они.

— Он говорит, что хочет видеть вас, — сказала она. — Сейчас.

— Хорошо. Попросите его подождать в малой гостиной. Минут пятнадцать.

— Он сказал «сейчас».

— Я слышала. — Я дописала строчку в документе. — Пятнадцать минут.

Тессер ушла с видом человека, которого сейчас съедят, но выбора нет.

Пятнадцать минут — это не грубость. Это профессиональный приём: человек, которого заставили ждать, приходит в разговор либо злым, либо остывшим. Злой Ортейский мне не нужен. Остывший — другое дело.

Он оказался остывшим. Почти.

Господин Ортейский был крупным мужчиной лет пятидесяти с лицом, привыкшим к тому, что его мнение — последнее в комнате. Даризель взяла от него взгляд — цепкий, оценивающий. Характер, кажется, взяла от кого-то другого.

— Управляющая Скерри. — Он не поклонился, просто назвал моё имя как точку отсчёта. — Вы приостановили поставку.

— Приостановила. До прояснения ценообразования.

— Договор подписан директрисой. У вас нет полномочий...

— Господин Ортейский. — Я положила на стол между нами лист с цифрами — тот, что составила вчера. — Вот рыночные цены на все позиции в вашей накладной. Вот ваши цены. Вот разница. Если у вас есть объяснение этой разнице — я слушаю. Если нет — мы договариваемся о новых ценах сейчас, или я возвращаю контракт артели Тимма.

Он смотрел на лист. Лист был хорошим — цифры не врут, а я потратила вечер, чтобы они выглядели неопровержимо.

— Артель Тимма не обеспечит объём к смотру, — сказал он. — У них нет нужных ресурсов.

— Откуда вы знаете, что не обеспечит?

Пауза.

Хороший вопрос. Он знает, потому что, скорее всего, позаботился о том, чтобы они не могли конкурировать. Это надо будет проверить.

— Двадцать процентов сверх рыночной, — сказал он наконец. — За срочность и объём. Это честная наценка.

— Пятнадцать, — ответила я. — За срочность. Объём — это ваши обычные условия работы.

Он смотрел на меня. Я смотрела на него.

— Пятнадцать, — повторил он. Медленно, как будто пробовал на вкус.

— И поставки по новым ценам начиная со следующей недели. Этой — по старым, раз товар уже принят.

Это была уступка. Небольшая, но настоящая — чтобы у него было чувство, что он тоже что-то получил. Люди, которые уходят из разговора с ощущением победы, соблюдают договорённости охотнее.

— Хорошо, — сказал он.

— Составим дополнительное соглашение?

— Составим.

Когда он уходил — не с видом победителя, но и не разгромленным — я позволила себе мысленно вычеркнуть ещё один пункт из списка.

Прогресс.

* * *

Директриса вызвала меня после обеда — записку принесла Дзя с видом «ничего страшного, но лучше идите быстро».

Госпожа Вессер стояла у окна с письмом в руках. Не тем, которое я получила вчера — другим. Длиннее, с другой печатью.

— Делегация прибывает послезавтра, — сказала она без предисловий. — Основная часть — придворные, советник Императора и... господин Драал.

— Я знаю. Я получила уведомление вчера вечером.

— Тогда ты понимаешь, что времени почти нет. — Она наконец повернулась. — Воспитанницы должны быть безупречны. Не хорошо. Безупречно.

— Работаем, — сказала я.

— Алина. — Голос стал другим — тише и как-то острее. — Ты умная девочка. И ты видишь больше, чем должна. — Она сделала паузу. — Я прошу тебя понять одну вещь: некоторые решения были приняты до твоего приезда. Они приняты по причинам, которые тебе необязательно знать. Твоя задача — смотреть. Только смотреть.

Я смотрела на неё.

Она говорит про зелье. Или про контракт. Или про что-то третье, о чём я ещё не знаю.

Интересно, что она не знает, что именно я уже нашла.

— Понимаю, — сказала я.

Это было правдой. Я понимала — просто не то, что она имела в виду.

* * *

Лиоранну без зелья я обнаружила в библиотеке в три часа.

Она сидела за столом, перед ней лежал открытый учебник этикета — тот самый, третье издание, потрёпанное, которое я видела у Юнии утром. Лиоранна читала и делала это с таким выражением, как будто лично автора хотела вызвать на разговор.

Я остановилась в дверях.

— Что-то не так? — спросила я.

Лиоранна подняла голову. Что-то в ней было другим — не разительно, не сразу, но другим. Взгляд стал резче. Или просто перестал быть тусклым.

— «При встрече с представителем магического рода воспитанница должна опустить взгляд первой», — прочитала она вслух. — Это написано в трёх местах разными словами. — Она закрыла книгу. — А если магический род — полный идиот?

Ну вот. Я так и думала — там кто-то интересный.

— Тогда вы первой опускаете взгляд, — сказала я. — Это протокол, а не оценка интеллекта.

— Разницы нет?

— Протокол — это инструмент. Не приговор. — Я вошла и села напротив. — Вы умеете читать брачные договоры?

Лиоранна смотрела на меня.

— Нет.

— Хотите научиться?

Долгая пауза. В прозрачных глазах что-то решалось — тихо, но серьёзно.

— Это входит в программу Академии?

— С сегодняшнего дня — да, — сказала я. — Неофициально.

Что-то у неё в лице дрогнуло — очень тихо, почти незаметно. Если бы я не смотрела специально, пропустила бы.

— Хорошо, — сказала Лиоранна. — Хочу.

Отлично. Один человек учится защищать себя. Тридцать один ждёт следующего урока. Работаем.

* * *

В пять часов вечера я вышла на балкон второго этажа с чашкой травяного настоя и списком дел, который надо было переписать набело, потому что поля закончились.

Балкон выходил на парадную аллею — длинную, обсаженную старыми деревьями, которая вела от ворот Академии к главному входу. Красиво. Торжественно. И совершенно пусто в это время дня, потому что воспитанницы были на вечернем занятии, а персонал — в хозяйственном крыле.

Я открыла список, отпила настой и стала читать.

Именно поэтому я услышала их раньше, чем увидела.

Стук копыт — несколько лошадей, не торопливо, с достоинством. Потом — голоса, далёкие, мужские, неразборчивые. Я машинально подняла взгляд.

По аллее ехала небольшая группа — человек восемь, верховые, в дорожных плащах. Не основная делегация — та должна была прибыть послезавтра. Разведчики, передовой отряд, люди, которых посылают вперёд проверить обстановку.

Раньше, чем ждали. Интересно.

Я смотрела на них без особого интереса — обычная рабочая ситуация, надо будет предупредить Тессер, подготовить комнаты — и вдруг что-то изменилось.

Не снаружи. Внутри.

Один из всадников ехал чуть впереди остальных. Не потому что спешил — просто так, как едут люди, которые привыкли быть впереди и не думают об этом. Тёмный плащ, откинутый капюшон. Расстояние было приличным — метров семьдесят, не меньше, — и я не видела лица. Только силуэт. Только то, как он сидел в седле — очень прямо и очень спокойно, как что-то, у которого нет причин торопиться.

И тут моё тело сделало что-то, чего я от него не просила.

Сердце — просто сбилось. Не испугалось, не заторопилось, а именно сбилось, как часы, которые шли ровно и вдруг потеряли ритм. Потом что-то тёплое прокатилось по груди вниз — быстро, невозможно, совершенно без причины. Пальцы, державшие чашку, слегка напряглись.

Я стояла и смотрела на человека в семидесяти метрах от меня, которого я никогда не видела, и моё тело настойчиво сообщало мне что-то, чего я не понимала и не просила его сообщать.

Что.

Я отвела взгляд — намеренно, усилием, как отрывают что-то приклеенное. Посмотрела на список в руках. Буквы были те же. Смысл был тот же. Я перечитала первую строку дважды, прежде чем она дошла.

Когда подняла взгляд снова — всадники уже почти доехали до входа. Тот, первый, ещё не обернулся. Просто ехал вперёд. Спокойно. Не зная, что кто-то смотрит с балкона второго этажа и пытается понять, что только что произошло с её собственным сердцебиением.

Это усталость. Второй день на нервах, мало спала, чай — не кофе.

Всё объясняется рационально.

Всё.

Всадники въехали во двор. Я дождалась, пока последний из них скроется за воротами, и только тогда поняла, что всё это время стояла с поднятой чашкой — так и не отпив.

Настой был уже холодный.

Я вернулась в кабинет, закрыла за собой дверь, села за стол и открыла список на нужной строке.

Потом остановилась.

Дописала снизу, под всеми остальными пунктами:

Что такое истинная пара — разобраться. Срочно.

И подчеркнула три раза.

Глава 4. Инкогнито

Я проснулась в шесть утра с твёрдым намерением не думать о балконе.

Не думала ровно до тех пор, пока не умылась, не оделась и не открыла список дел. На последней строчке, подчёркнутое трижды, стояло: «Что такое истинная пара — разобратся. Срочно».

Я зачеркнула одно подчёркивание. Так выглядело профессиональнее.

Ладно. Разбираемся.

Объяснений вчерашнему было несколько, и все — рациональные. Первое: усталость. Три дня в чужом теле, в чужом мире, тридцать с лишним пунктов в списке — человеческий организм реагирует странно. Второе: сквозняк с аллеи, балкон без стекла, разница температур, сосудистая реакция. Третье: я просто давно не высыпалась, а у невыспавшихся людей притупляется критическое мышление и обостряется всё остальное.

Всё объяснялось рационально.

Но на всякий случай — разберёмся.

* * *

Дэя принесла завтрак и новость одновременно — она умела совмещать.

— Госпожа. В «Северном олене» остановились какие-то люди. Трактир в двух лье по дороге. Хозяин говорит — восемь человек, при деньгах, без гербов. Одежда дорогая, но простая. Главный назвался «Аран» — без фамилии.

Я взяла чашку.

— Что ещё?

— Говорят, что от него немного веяло. Магически. Жаром. Как от камина, только камина нет.

Восемь человек. Вчера вечером. Те же, что проехали по аллее — я видела именно восьмерых.

«Аран». Просто Аран, без фамилии.

Интересно.

— Спасибо, Дэя. Позови Аелию Вейскую, если она не на уроке.

* * *

Аелия пришла быстро и с видом человека, которого это не удивило.

Она вошла, огляделась, не спрашивая разрешения, села и посмотрела на меня так, как смотрят на интересную задачу.

— Вы хотели говорить.

— Да. Про истинную пару. — Я закрыла дверь. — Как это работает. Настоящая версия, не из учебника.

Аелия на секунду стала чуть внимательнее — едва заметно.

— Зачем вам это?

— Готовлюсь к смотру. Хочу понимать, что именно ищет дракон и чего ждать.

Это была правда. Просто не вся.

Аелия помолчала, а потом заговорила — деловито, как человек, излагающий хорошо известные факты:

— Официальная версия: магическая связь, возникает при физическом контакте, подтверждается меткой на обоих. Настоящая версия: всё сложнее. Связь не возникает — она обнаруживается. Она уже есть, просто не проявлена.

— Что это значит на практике?

— Для дракона — это смещение. — Аелия говорила без украшений, почти скучно. — Он входит в пространство, где есть его истинная, и у него буквально меняется что-то внутри.

Мир становится другим — чуть другим, но ощутимо. Запах, воздух, притяжение к конкретной точке. Дракон это чувствует сразу. Именно поэтому смотры работают: он приходит и просто знает.

— А с другой стороны? — спросила я. Спокойно. Профессионально. — Человек тоже чувствует?

— Нет, — сказала Аелия. Просто и уверенно. — Человеческая сторона связи пассивна до момента метки. Человек не чувствует ничего особенного — до тех пор, пока дракон не прикоснётся и магия не проявится физически. Это, собственно, и делает выбор дракона таким важным: он видит то, что другая сторона пока не может. Женщины, которых выбирают, обычно говорят, что до метки не подозревали ни о чём.

— То есть никакого предварительного ощущения с человеческой стороны — нет.

— Нет, — подтвердила Аелия. — Это точно.

Я кивнула.

Вот и всё. Человек не чувствует. Никакого предварительного ощущения — нет. Точно.

Значит, вчера на балконе была усталость. Сквозняк. Физиология.

Я это и говорила.

Что-то у меня внутри — какое-то совершенно иррациональное что-то — слегка успокоилось. Даже не слегка. Хорошо успокоилось.

— Отлично, — сказала я. — Теперь другой вопрос. В «Северном олене» остановился кто-то по имени «Аран». Без фамилии. Восемь человек, без гербов, при деньгах. Жар магический. Вы знаете, кто это?

Аелия не изменилась в лице. Совсем. Это само по себе было ответом.

— Асерон Драал, когда едет инкогнито, всегда называется «Аран», — сказала она. Ровно. — Имя деда. Он считает, что никто не знает.

— И?

— Все знают. Просто никто не говорит.

Разумеется.

— Зачем он приехал раньше срока?

— Потому что умный. — Аелия смотрела на меня. — Он всегда смотрит сначала сам. Хочет видеть то, что есть на самом деле, а не то, что ему готовят к показу.

Я посмотрела в окно. На пустую аллею. На подстриженные кусты. На Академию, которую я три дня чинила с тем расчётом, чтобы она выглядела настоящей, а не парадной.

Он хочет видеть, что есть на самом деле.

А я три дня делала именно это — наводила настоящее, а не показное.

Любопытное совпадение.

— Спасибо, Аелия.

— Не за что. — Она встала, пошла к двери и у порога, по своей привычке, остановилась. — Управляющая Скерри. Если вам интересно — когда он приедет официально, он будет смотреть не на то, как воспитанницы держат спину. Он будет смотреть на то, что здесь на самом деле происходит.

— Я знаю, — сказала я.

Аелия слегка кивнула — и вышла.

* * *

Следующий час я работала. Перепроверила смету, уточнила список у Тессер, написала два письма по хозяйственным вопросам, которые давно ждали.

И параллельно — думала.

Потому что информация о том, что Асерон Драал уже здесь и смотрит — это не просто любопытный факт. Это рабочая ситуация, которая требует решения.

Вариант первый: не делать ничего. Он наблюдает инкогнито — пусть наблюдает. Потом придет официально, всё пойдёт по плану.

Слабо. «Не делать ничего» — это не стратегия.

Вариант второй: предупредить директрису. Пусть разбирается.

Нет. Директриса захочет устроить ему показ даже в неофициальном формате. Это испортит то единственное, что у нас сейчас есть: честность.

Вариант третий...

Я остановилась на середине строки.

Он хочет видеть, что есть на самом деле. Приехал именно за этим. Значит, если я приду к нему первой — от Академии, официально, с реальными документами — это будет не нарушением его инкогнито. Это будет ответом на то, что он ищет.

Официальный визит управляющей к «представителю делегации» для предварительного брифинга. Абсолютно нормальная практика перед крупным смотром.

Я просто не буду уточнять, что знаю, кто «представитель».

Я взяла чистый лист и начала писать.

* * *

К четырём часам у меня было готово следующее.

Первое: краткий управленческий отчёт о состоянии Академии. Реальный — с проблемами, которые я нашла, шагами, которые уже сделаны, и тем, что ещё предстоит. Не парадный документ, а рабочий. Именно такой, который показывают тогда, когда хотят говорить серьёзно.

Второе: список изменений в протоколе смотра — то, что я скорректировала за три дня. Лаконично, по пунктам, с обоснованием каждого. Никаких извинений за то, что меняла, — просто факты.

Третье: записка. Без обращения по имени. Просто:

«Управляющая Академией невест приветствует старшего представителя делегации и предлагает предварительный брифинг перед официальным визитом. Завтра в любое удобное время или сегодня вечером. Академия заинтересована в том, чтобы господин получил достоверную картину, а не парадную».

Я перечитала. Подписала должностью, без имени.

Достаточно. Если он умный — поймёт всё. Если захочет ответить — ответит.

— Дзя! — позвала я.

Горничная появилась в дверях.

— Мне нужен кто-то надёжный, кто съездит в «Северный олень» и передаст пакет старшему из постояльцев. Без объяснений. Просто отдать в руки и уехать.

Дзя смотрела на меня с выражением человека, который уже привык не удивляться.

— Конюх Марр — он не болтает.

— Отлично. Пусть будет готов через час.

Либо он ответит, либо нет. Либо это окажется просто каким-то богатым путешественником с магическим жаром — тогда я выгляжу немного странно, но не более. Либо это Асерон Драал — и тогда он получит то, за чем приехал раньше срока: настоящее, а не подготовленное к показу.

В любом случае я сделала то, что могу. Остальное — не моя переменная.

* * *

Ответ пришёл в семь вечера.

Не письмо — человек. Немолодой, коренастый, с лицом, которое повидало достаточно, чтобы перестать удивляться. Он назвался Верком, сказал, что является сопровождающим «господина Арана», и передал мне сложенный лист.

Я развернула.

Почерк был хороший — чёткий, с нажимом, без завитушек. Три строки:

«Сегодня вечером. Час до заката. Буду у северных ворот Академии. Один».

И подпись — просто: «А.»

Я прочитала ещё раз. Потом сложила лист и убрала в карман.

Один. Без свиты, без охраны. Значит, разговор, а не демонстрация.

Час до заката — это примерно сорок минут.

— Верк, — сказала я. — Передайте, что я буду.

Он кивнул и ушёл. Дэя смотрела на меня от двери.

— Вы знаете, кто это? — спросила она осторожно.

— Старший представитель делегации, — сказала я. — С которым мне нужно провести брифинг до официального визита.

— А если это...

— Дэя. — Я уже собирала документы в папку. — Принеси мне, пожалуйста, холодной воды. И скажи Тессер, что я буду недоступна до ужина.

Горничная исчезла. Я застегнула папку, поправила платье, посмотрела в небольшое зеркало у двери.

Значит, так. Через сорок минут у северных ворот будет либо обычный дворянин из делегации, либо последний дракон живого рода — и оба варианта требуют одного и того же: документы в руках, голос ровный, никакой лишней информации о том, что творилось вчера вечером с моим сердцем на балконе.

Потому что человеческая сторона связи пассивна. Это точно.

Я просто устала.

Я взяла папку и вышла из кабинета.

Сорок минут.

Вполне достаточно, чтобы дойти до северных ворот и не передумать.

Глава 5. Разговор у ворот

Он уже был там, когда я пришла.

Стоял у ворот, опершись на каменный столб, в том же тёмном плаще — без гербов, без украшений. Один, как и написал. Руки скрещены, взгляд на Академию — изучающий, не быстрый. Такой взгляд бывает у людей, которые привыкли видеть больше, чем им показывают, и знают, что торопиться незачем.

Я подошла. Остановилась в двух шагах. Протянула папку.

— Управляющая Скерри. Это отчёт о текущем состоянии учреждения.

Он посмотрел на папку. Потом на меня. Взял.

— Господин Аран, — сказал он. Ровно. Без вопроса.

— Я знаю, — сказала я.

Пауза.

— Что именно вы знаете?

— Что вы предпочитаете именно это имя в неофициальных обстоятельствах.

Что-то в его лице — совсем немного — сдвинулось.

Он открыл папку и начал читать. Я ждала.

Читал он быстро — не бегло, а именно быстро, как читают люди, умеющие вытаскивать смысл без лишних движений. На второй странице остановился. Перечитал.

— Вы нашли это за четыре дня.

— За три. Четвёртый — сегодня.

— Три дня, — повторил он.

— Первый день ушёл на ориентацию. — Я позволила себе лёгкую паузу. — И на то, чтобы найти кухню.

На этот раз сдвиг в лице был чуть заметнее.

Он перелистнул дальше. Читал. Я смотрела не на него, а мимо — на аллею, на темнеющее небо, на то, как первые фонари зажигались во дворе.

— Зелье, — сказал он наконец. Тихо, но с интонацией, которая не предполагала ответа. Просто — зафиксировал.

— Отменено со второго дня.

— Кто стоит за этим?

— Пока не установила полностью. Это в списке.

Он закрыл папку. Посмотрел на меня прямо — первый раз за разговор именно так, без угла, без оценки сбоку.

— Почему вы это мне показываете?

— Потому что вы приехали раньше срока именно для того, чтобы это увидеть. — Я встретила взгляд спокойно. — Было бы странно заставлять вас искать самому, когда у меня уже есть карта.

Молчание.

— Директриса знает, что вы здесь?

— Нет. — Я слегка наклонила голову. — Она знает, что я проводила брифинг с представителем делегации. Это рабочая практика.

— А что вы на самом деле проводите брифинг — она не знает.

— Это зависит от того, кем вы себя считаете, — сказала я.

Он смотрел на меня ещё секунду. Потом — совсем коротко, почти неуловимо — качнул головой. Не согласие и не отрицание. Что-то среднее.

— Вы хотите что-то от меня? — спросил он. — Конкретно.

— Нет. — Я забрала у него пустую папку. — Мне нужен только работающий смотр. Академия должна выглядеть честно. Это в интересах обоих. — Пауза. — Как минимум.

— Как минимум, — повторил он медленно, как будто взвешивал.

Где-то за спиной, в глубине сада, слышались голоса. Лёгкие, женские — воспитанницы шли на вечернюю прогулку по дальней дорожке, ещё далеко, но уже слышно. Платья мелькали светлыми пятнами в сгущающихся сумерках.

Он повернул голову.

И замер.

Не резко — просто остановился в той точке, где стоял, и несколько секунд смотрел в сторону сада. Я видела это боковым зрением. Видела, как что-то в нём изменилось — не снаружи, глубже, — как будто кто-то провёл по натянутой струне.

Он смотрит на воспитанниц. Оценивает, наверное. Или просто отвлёкся.

Профессиональный интерес, вероятно.

— Всё в порядке? — спросила я.

— Да. — Он не сразу ответил, на долю секунды позже, чем надо. — Просто... воздух.

Воздух.

Ладно.

Воспитанницы прошли дальше, голоса затихли. Он снова смотрел на меня — но теперь иначе. Как будто что-то решил, хотя я не знала что.

— Завтра, — сказал он. — Официально.

— Разумеется. — Я убрала папку под локоть. — Буду рада представить вам Академию в первый раз.

Пауза. Одна секунда. Что-то в его взгляде — я не успела определить что — мелькнуло.

— До завтра, управляющая Скерри.

— До завтра, господин Аран.

Он ушёл. Ровно, спокойно, не оглядываясь.

Я постояла у ворот ещё немного. Посмотрела на тёмную аллею. На первые звёзды.

Продуктивно.

Я устала.

Спать.

* * *

Он шёл по аллее к трактиру и думал.

Волна была настоящей. Он не сомневался: за пятьдесят лет он научился отличать случайное от значимого, фоновый шум от сигнала. Это был сигнал. Чистый, сильный, неожиданный — пришёл из ниоткуда и так же исчез, пока он смотрел на девушек в саду.

Значит, она здесь.

Среди восьми.

Впервые за пятьдесят лет.

Верк шёл рядом и молчал — умел чувствовать, когда молчание правильнее слов.

— Там была управляющая, — сказал Асерон наконец.

— Я видел.

— Она знала, кто я.

— Это очевидно, господин.

— Она прислала мне реальный аудит учреждения. — Пауза. — За три дня работы.

Верк помолчал.

— И что вы намерены делать?

— Завтра приехать официально. — Асерон смотрел вперёд. — И посмотреть, кто из восьми.

Верк кивнул. Не спрашивал больше ничего.

Асерон думал об управляющей — о том, как она стояла с папкой документов и говорила «буду рада представить вас в первый раз» именно тем тоном, которым говорят люди, точно знающие, что делают. Никакого трепета. Никакого взгляда снизу вверх. Просто профессиональный разговор двух людей с разными задачами и одним общим интересом.

Это было... неожиданно.

И ещё — она была права насчёт карты. Незачем искать самому, если у кого-то уже есть карта.

Интересный человек.

Он убрал эту мысль в сторону. Завтра был смотр. Там были восемь. Одна из них — его истинная.

Это важнее.

* * *

В пять утра я поняла, что у нас кончились свечи.

Не совсем кончились — просто выяснилось, что парадные свечи для главного зала хранились в том же помещении, где три недели текла труба. Трубу починили. Свечи — не успели переложить. Они были сырые.

Это был первый сюрприз дня.

Значит, так. Официальный приезд делегации — через шесть часов. Свечи мокрые. Отлично. Работаем.

— Тессер! — Я шла по коридору с такой скоростью, что Дэя едва поспевала. — Где в городе можно купить парадные свечи до восьми утра?

— Церковная лавка у южных ворот. Но они открываются в...

— Во сколько?

— В восемь.

— Кто хозяин?

— Господин Прат. Он живёт прямо за лавкой.

— Пошлите к нему сейчас. Пусть откроет раньше. Скажите, что для Академии, срочно, смотр сегодня. — Я остановилась у поворота. — Если откажет — скажите, что за дополнительные двадцать минут работы я плачу двойной прайс. Из представительского бюджета.

Тессер исчезла. Я пошла дальше.

Второй сюрприз ждал в зале для приёмов: Мэрион обнаружила, что одно из зеркал треснуло — не сегодня, явно давно, просто никто не докладывал. Трещина шла по диагонали через всё зеркало и была видна из любой точки зала.

— Убрать, — сказала я. — Совсем. Поставьте вместо него цветы. Большие.

— Но симметрия...

— Несимметричные цветы лучше, чем симметричная трещина. Мэрион, доверьтесь мне.

Третий сюрприз был живым.

Виллейн Сорр потеряла голос.

Не полностью — просто приболела с утра, голос сел на полтона ниже и звучал так, как будто она провела ночь в сырости. Что она, возможно, и сделала — окно в комнатах на северном крыле плохо закрывалось, я это видела и ещё не успела починить.

Пункт тридцать восемь: окна северного крыла. После смотра.

— Не петь сегодня, — сказала я Вилле. — Ни на репетиции, ни на приёме. Только присутствуешь.

— Но программа...

— Программа скорректирована. — Я уже уходила. — Вместо сольного выхода — ансамбль. Лиоранна умеет?

— Лиоранна умеет всё, — сказала Вилла хрипло. — Просто её не спрашивали.

Разумеется.

Лиоранна умела. Я нашла её уже одетой, с прямой спиной, но с тем новым выражением в глазах — живым, не ватным, — которое появилось после отмены зелья. Она выслушала, кивнула и сказала:

— Мне нужно сорок минут, чтобы вспомнить вторую партию.

— У тебя есть час.

— Тогда я ещё и третью вспомню.

Хорошо. Хотя бы что-то идёт по плану.

* * *

В половине десятого Академия почти была готова.

«Почти» — потому что в это время я стояла у входа в гардеробную комнату второго этажа и смотрела на воспитанницу Риву Аньен, а воспитанница Рива Аньен смотрела на меня.

Риву Аньен я до этого видела только в общей массе — светловолосая, из семьи с деньгами и ещё более старыми деньгами за спиной, с тем особым выражением лица, которое бывает у людей, никогда не слышавших слово «нет» от взрослого.

— Вы, — сказала она мне. Именно так: «вы», как указывают пальцем. — Мне нужны жемчужные шпильки. Те, что были в голубой коробке. Их нет в моей комнате.

Я посмотрела на неё.

— Доброе утро, — сказала я.

Она моргнула — с лёгким удивлением, как будто я сказала что-то неожиданное.

— Шпильки, — повторила она. — Найдите их.

За её спиной в коридоре появились Дариэль и Аелия — шли мимо, но замедлились. Потом Лиоранна из соседней комнаты выглянула. Потом Юния из-за угла. Несколько воспитанниц, которые готовились неподалёку, тоже притихли.

Хорошо. Значит, со свидетелями.

— Рива Аньен. — Я произнесла это спокойно, без повышения тона — именно потому что повышать не было нужды. — Я управляющая этого учреждения. Я не горничная, не прислуга и не человек, которому можно указывать пальцем.

— Вы временная управляющая, — сказала она. С тем особым ударением, которое должно было означать «то есть никто».

— Верно. — Я не двинулась с места. — И пока я здесь — у меня больше полномочий, чем у любой воспитанницы этого заведения, включая тех, у кого жемчужные шпильки. Это понятно?

Рива смотрела на меня. Пауза затягивалась. В коридоре стояла очень тихо.

— Если шпильки пропали из вашей комнаты — обратитесь к горничной вашего этажа. Её зовут Дэя, она вам поможет. — Я развернулась, чтобы уйти, и добавила через плечо: — И, пожалуйста, «доброе утро» перед тем, как просить о помощи. Это работает лучше.

Тишина за спиной длилась ровно столько, чтобы я успела сделать три шага.

Потом Аелия произнесла — очень ровно, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Она права, ты знаешь.

Рива что-то ответила тихо. Я не слушала — уже шла дальше.

* * *

В одиннадцать часов, когда большая часть хаоса улеглась и Академия наконец стала похожа на то, чем должна была быть, ко мне подошла Мэрион.

Она принесла список последних правок по программе и молча положила на стол. Я просмотрела. Всё было сделано, как нужно.

— Спасибо, Мэрион.

— Вы хотите что-то изменить? — спросила она привычным тоном человека, который ждёт поправок.

— Нет. — Я вернула список. — Всё правильно.

Она взяла бумагу. Помолчала секунду — дольше, чем нужно для человека, которому больше нечего сказать.

— Насчёт Аньен, — произнесла она наконец. — В прошлый раз, когда воспитанница позволяла себе подобное с персоналом — никто ничего не сделал. Директриса сказала, что семья важная.

— Я слышала, — сказала я.

— Теперь все слышали вас. — Мэрион говорила ровно, без оценки. — Это полезно.

Она вышла. Тессер, которая стояла у окна с бумагами, не обернулась, но я заметила, как её плечи слегка распрямились.

Хорошо.

Работаем дальше.

* * *

В полдень я стояла на балконе — том самом, откуда три дня назад смотрела на аллею — и смотрела на Академию.

Двор выметен. Фонтан работает — Тессер нашла мастера. Клумбы у входа перебраны, подсохший куст убран. В зале для приёмов вместо треснутого зеркала — живые ветки в высоких вазах, это оказалось красивее, чем зеркало. Свечи привезли в половину восьмого. Господин Прат взял двойной прайс и не жаловался.

Воспитанницы прошли последнюю репетицию час назад. Все восемь. Лиоранна пела вторую и третью партии и пела хорошо — не идеально, но настояще, без той стеклянной правильности, которая была при зелье. Юния три раза споткнулась на поклоне и на четвёртый сделала его лучше всех.

Рива Аньен сказала Дэе «доброе утро» перед тем, как попросить шпильки.

Дэя потом рассказала мне об этом с видом человека, получившего небольшое чудо.

Итого: пять дней. Академия не идеальна — но честна. Это лучше, чем идеальный фасад с гнилью внутри.

Завтра он приедет официально. С делегацией, с советником Императора, со всем протоколом.

И я буду стоять там и смотреть на человека, которого уже видела — у северных ворот, в простом плаще, с папкой моих документов. Который читал быстро и остановился на второй странице. Который сказал «воздух» когда оглянулся на сад.

Человека, с которым я договорилась встретиться «в первый раз».

Я отпила из чашки. Настой был горячий — Дэя научилась приносить вовремя.

За воротами вдали начинала просматриваться пыль от дороги. Слишком далеко, чтобы что-то разобрать. Просто пыль.

Завтра.

Ну и хорошо.

Глава 6. Официальный визит

В девять утра я поняла, что не знаю, как правильно обращаться к дракону.

Это был существенный пробел, учитывая, что через четыре часа мне предстояло стоять рядом с ним на официальной церемонии в роли управляющей Академии. Управляющая, которая не знает протокола — это непрофессионально. Я не могла этого допустить.

— Аелия, — сказала я, когда та вошла. — Мне нужен ускоренный курс по этикету общения с представителями драконьих родов. Двадцать минут.

Аелия посмотрела на меня. Что-то в её глазах — совсем немного — стало веселее.

— Двадцать минут.

— У нас нет больше.

— Хорошо. — Она села. — Официальное обращение: «Хранитель» или «Последний из Дома Драал». Никаких имён без разрешения. Никаких «господин» — это для людей. Дракон выше этой категории.

— Принято.

— Взгляд. — Аелия подняла палец. — Прямой взгляд дольше трёх секунд воспринимается как вызов. Меньше трёх — как должное.

Три секунды. Хорошо. Буду считать.

— Спина. Нельзя поворачиваться к нему спиной — это демонстрация уязвимости, и у него сработает инстинкт либо защитить, либо... — Аелия помолчала. — Не поворачивайтесь спиной.

— Понятно. Что ещё?

— Не предлагайте еду и питье первой — только если он попросит. Не касайтесь без разрешения — совсем. Если он начнёт менять форму...

— Менять форму? — переспросила я.

— Драконы могут. Редко, но могут. Если это начнётся в закрытом помещении — немедленно эвакуировать всех.

Отлично. Это я добавлю в план действий между «свечи для зала» и «программа церемонии».

— Ещё что-нибудь?

— Не извиняйтесь без причины. Это воспринимается как слабость. — Аелия посмотрела на меня. — Впрочем, вы, кажется, и так не извиняетесь без причины.

— Только когда действительно виновата, — согласилась я. — Последнее?

— Если он что-то говорит вам напрямую — отвечайте напрямую. Уклончивые ответы его раздражают. Он их слышит. Буквально — у драконов чрезвычайно хороший слух, и ложь для них звучит иначе, чем правда.

Прекрасно. Существо с детектором лжи, нельзя поворачиваться спиной, три секунды взгляда максимум, и в любой момент может начать менять форму.

Рядовой трудный клиент. Хуже бывало.

— Спасибо, Аелия.

— Не за что. — Она встала и уже у двери добавила: — Управляющая Скерри. Держитесь левее от него. Дракон защищает правую сторону инстинктивно — это слабая сторона в бою. Рядом с ней он нервничает.

— И поэтому?

— Поэтому левее — спокойнее для вас обоих.

Она ушла. Я записала: «левее» — и подчеркнула.

* * *

Делегация въехала в два часа дня.

Красиво. Надо отдать должное — они умели появляться. Восемь всадников впереди, потом карета с имперским гербом, потом ещё люди, потом — он.

Без кареты. Верхом, в тёмном. Без гербов, без украшений, без того, чего ожидаешь от последнего представителя древнего рода, прибывающего на официальный смотр. Просто тёмный плащ, прямая спина, взгляд вперёд.

Директриса стояла у главного входа с лицом, которое она, по всей видимости, репетировала неделю. Советник Императора — немолодой, с таким выражением, что казалось, его всё слегка раздражает, — уже вышел из кареты.

Я стояла левее. Как записала.

Он спешил. Посмотрел на Академию — быстро, сверху вниз. Потом его взгляд скользнул по встречающим и остановился на мне ровно на две секунды.

Две. Я считала.

— Хранитель, — сказала директриса Вессер, шагнув вперёд с поклоном, — Академия рада приветствовать вас. Позвольте представить старшего персонала...

— Управляющую я вижу, — сказал он. Спокойно. — Мы уже... знакомились с отчётностью.

Формулировка была безупречной. Директриса Вессер, которая не знала о брифинге ничего, поняла это как «просматривал документы перед визитом» и удовлетворённо кивнула.

Я не кивнула. Просто встретила взгляд — ровно три секунды — и отвела первой.

Один — ноль. В мою пользу.

* * *

Следующий час был экскурсией.

Директриса вела его по залам, советник шёл рядом и что-то фиксировал в записной книжке. Я шла сзади и следила за тем, чтобы ничего не пошло не так. Ничего не пошло — свечи горели, зеркал не было (вместо них — ветки, которые советник осматрел с видом человека, не понимающего, что это, но не готового спрашивать), паркет не скрипел на проблемном участке, потому что я ещё утром велела его обойти стороной.

Он шёл и смотрел. По-настоящему смотрел — не на то, что ему показывали, а на то, что было рядом. Трещина в штукатурке, которую не успели заделать. Новая труба в прачечном крыле, которую он увидел через открытую дверь. Список дежурств персонала на доске у кухни.

У доски он остановился.

— Это новое расписание? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Со вторника, — ответила я из-за спины директрисы.

Он обернулся — не резко, просто посмотрел.

— Эффективнее предыдущего?

— На сорок минут в день суммарно по персоналу. — Пауза. — Мелочь, но накапливается.

Советник что-то записал.

Директриса улыбалась так, как улыбаются люди, не понимающие разговора, но чувствующие, что он идёт не по их сценарию.

Добро пожаловать в мою Академию, Хранитель. Здесь теперь работает расписание.

* * *

Церемония началась в четыре.

Зал для приёма был хорош — я это признавала, даже несмотря на мокрые свечи вчера. При правильном освещении он работал: высокие потолки, живые ветки вместо зеркала, паркет блестел. Воспитанницы вошли точно по расписанию, по восемь человек, в правильном порядке, с правильными поклонами.

Я стояла у стены и наблюдала.

Он сидел в центре — не на парадном кресле, которое для него поставили, а чуть в стороне, на обычном стуле. Это был выбор, и я его поняла: парадное кресло — это декорация. Обычный стул — это он сам.

Советник сидел правее. Директриса — левее, вся в ожидании.

Девушки выступали. Вилла молчала, но двигалась хорошо — Мэрион поставила её первой в ансамбле, и это работало. Лиоранна пела вторую и третью партии — настояще, без стеклянной пустоты. Юния поклонилась с первого раза правильно и потом покраснела от гордости так, что было видно с другого конца зала.

Я смотрела на него.

Он был сосредоточен — не на выступлении, а на чём-то другом. Время от времени — почти незаметно — его взгляд уходил куда-то в сторону, чуть рассеивался. Потом возвращался.

Он что-то чувствует. Прямо сейчас.

Ищет. Я вспомнила: дракон чувствует, как меняется пространство, воздух. Интересно, что он чувствует прямо сейчас.

* * *

Потом начались танцы.

По протоколу смотра — мне объяснила это Аелия ещё утром — дракон танцует с каждой из восьми отобранных воспитанниц по одному танцу. Физический контакт, близкое расстояние, достаточно времени, чтобы магия могла сработать. Если истинная — среди восьми, он почувствует. Всё просто.

Оркестр заиграл первый танец.

Лиоранна Серрейская вышла первой. Красивая, с прямой спиной, с тем новым выражением в глазах — живым. Он подал руку. Они танцевали. Я смотрела на его лицо.

Ничего.

Он был вежлив, внимателен, двигался хорошо — так двигаются люди, которые умеют делать несколько вещей одновременно. Но в его лице не было того, чего он ждал.

Второй танец — Дариэль Ортейская. Острая, в тёмно-синем, с правильными движениями и слишком умным взглядом для той роли, которую играла.

Тоже ничего.

Аелия Вейская. Третья. Она танцевала так, как делает всё — точно и без лишнего. Посмотрела на него в танце спокойно, без трепета. Он это заметил — чуть приподнял бровь. Но не то.

Четыре, пять, шесть.

Я считала. Не знаю зачем. Просто считала.

С каждым танцем в его лице что-то менялось — не снаружи, это был человек с очень хорошим контролем, — но менялось. Напряжение становилось тоньше и острее одновременно. Как нить, которую натягивают и натягивают.

Юния — седьмая. Она была бледной от волнения, но держалась. Он вёл её аккуратно, чуть медленнее, чем остальных — заметил, что она нервничает, и скорректировал темп. Это меня, если честно, немного удивило.

Значит, не совсем дракон. Есть что-то человеческое.

Просто очень хороший контроль.

Восьмая — Виллейн Сорр, рыжеволосая, с голосом, который всё ещё слегка не звучал.

Последний танец.

Ничего.

Музыка закончилась. В зале стало тихо — тем особым образом, когда много людей одновременно понимают, что что-то пошло не по плану, но ещё не решили, как на это реагировать.

Он остановился посреди зала. Стоял секунду с таким лицом, какое бывает у людей, получивших точный ответ не на тот вопрос.

Потом повернулся и пошёл к выходу.

— Хранитель, — начала директриса. — Ужин был бы...

— Нет, — сказал он. Одно слово, ровно. И вышел.

Советник закрыл записную книжку. Переглянулся с кем-то из свиты. Вышел следом.

В зале осталась директриса с открытым ртом, восемь воспитанниц с растерянными лицами, Мэрион — с совершенно каменным, — и я у стены.

Восемь танцев. Ни одного результата.

Он ищет истинную.

Её здесь нет — среди восьми.

Интересно.

Я смотрела на закрытую дверь и думала о том, что весь вечер он что-то чувствовал — это было видно — но не мог найти. Как человек, который слышит звук, но не понимает, откуда он идёт.

Хотя это не моя проблема.

Совсем не моя.

* * *

Директриса Вессер вызвала меня через двадцать минут.

За двадцать минут она успела выйти из состояния растерянности и войти в состояние гнева — это был быстрый переход, говорящий об опыте.

— Закрой дверь, — сказала она, когда я вошла. Не «Алина». Просто — «закрой дверь». Я закрыла.

— Объясни мне, что произошло, — сказала директриса. — Приём прошёл безупречно. Программа — как договорились. Воспитанницы — идеально. И тем не менее он уехал. Злой. Не сказав ни слова. — Она смотрела на меня. — Что ты сделала?

— Я управляла приёмом, — сказала я. — Программу не меняла.

— Ты изменила расстановку в зале.

— Убрала треснутое зеркало.

— Ты поменяла позицию Виллейн Сорр.

— Улучшила акустику.

— Ты отменила приветственные цветы от каждой воспитанницы!

— Они добавляли семь минут к церемонии без практического результата, а нам нужно было время на...

— Алина! — Голос у директрисы поднялся на полтона — и она, по всей видимости, редко позволяла себе этот полтон, потому что сразу стало ощутимо иначе. — Дракон уехал недовольным. Это катастрофа. Если он не вернётся — Академия теряет статус, теряет финансирование, теряет половину семей, которые...

— Он вернётся, — сказала я.

Директриса замолчала.

— Откуда ты знаешь?

Потому что он чувствовал что-то всё время, пока был здесь. Потому что восемь танцев его не насытили — они его взбесили. Потому что человек, который уходит злым, уходит именно так, когда ответ где-то рядом, но не даётся в руки.

Потому что такие люди-драконы не отступают.

— Знаю, — сказала я. — Это не значит, что нужно ждать. Мне нужно понять, что именно пошло не так с его точки зрения. Дайте мне день.

— У тебя нет дня, — сказала директриса тихо. — Если он уехал оскорблённым — Академия...

— Он уехал не оскорблённым. — Я смотрела на неё прямо. — Он уехал с пустыми руками. Это разные вещи. И это не наша ошибка — это его задача, которую он не смог решить сегодня. — Пауза. — Он попробует снова.

Директриса смотрела на меня долго. Очень долго — так долго, что я начала думать, что разговор закончен.

— Уйди, — сказала она наконец. Тихо. — Просто уйди.

Я вышла.

* * *

В коридоре было темно и тихо. Церемония закончилась, воспитанниц развели по комнатам. Персонал убирал зал. Всё шло своим порядком.

Я дошла до своего кабинета, закрыла дверь, зажгла лампу и села за стол.

Список дел лежал там, где я его оставила. Тридцать восемь пунктов. Вычеркнутые, добавленные, перенесённые.

Я взяла перо и написала новый пункт, тридцать девятый:

«Понять, почему волна была всё время, но не во время танца».

Потом смотрела на эту строчку.

Потом зачеркнула и написала правильно:

«Понять, почему он чувствовал её в зале — но не среди восьми»

Потому что это был вопрос. Настоящий, рабочий вопрос, с ответом, который где-то есть.

В зале было тридцать два человека в тот момент. Восемь воспитанниц. Персонал. Я.

Что-то в глубине живота трепыхнулось слабой волной, как будто отвечая на мой вопрос, но я покачала головой.

Человеческая сторона связи пассивна. Устойчивое и хорошо задокументированное.

Я просто устала.

Я убрала список в ящик стола и погасила лампу.

За окном была ночь. Где-то далеко по дороге — топот копыт, затихающий. Он уезжал.

Я лежала в темноте и считала трещины в потолке вместо птиц.

На пятой перестала считать и просто лежала.

Всё завтра.

Добро пожаловать в цикл «Сильные попадания»!

Это истории о современных женщинах, которые попадают в магические миры и совершенно не готовы становиться удобными.

Они руководят, принимают решения, спорят, побеждают и ломают устоявшиеся порядки.

Если вы любите:

◆ драконов;

◆ сильных взрослых героинь;

◆ властных мужчин и противостояние характеров;

◆ юмор, искры и счастливые финалы —
устраивайтесь поудобнее.

Другую историю цикла вы можете прочитать уже сейчас:

«Всадница Дракона. Попаданка для Командора»

Там героиня попадает в жёсткий патриархальный мир, получает дракона и вынуждена сотрудничать с опасным Командором Ордена, который терпеть не может женщин, нарушающих правила.

А значит — именно с ней ему и придётся связать свою судьбу.

Глава 7. Она выбрала

Он не спал.

Не потому что не хотел — он давно умел засыпать в любых условиях. Просто этой ночью тело отказало. Жар, который начался ещё в зале во время танцев и должен был утихнуть к ночи, не утих. Он стал тише, но глубже — как уголь под пеплом: снаружи не видно, внутри — невозможно.

Она была там. Он знал это с той же точностью, с какой знал, сколько людей в комнате, даже не считая. Просто знал. Где-то в Академии — в двух лье отсюда — была его истинная. И он не мог её найти.

Восемь танцев. Восемь — и ничего. Значит, не среди восьми. Значит, кто-то из оставшихся двадцати четырёх.

В пять утра он встал.

Верк не спал тоже — сидел у двери с тем особым выражением человека, который не одобряет, но понимает: слова сейчас бесполезны.

— Едем, — сказал Асерон.

— Сейчас рассвет. Академия ещё...

— Едем.

Верк встал. Ничего больше не сказал. Они оба знали: когда жар доходит до этой точки — остановить нельзя. Можно только ехать рядом и следить, чтобы не стало хуже.

Она там.

Я ее найду.

* * *

В половине седьмого утра я была в хозяйственном корпусе и проверяла ведомости.

Плановая проверка. После всего, что выяснилось за неделю, я взяла за правило проходить по складским записям лично — сорок минут, раз в два дня, зато уверенность, что цифры на бумаге совпадают с тем, что на полках.

Сегодня совпадали. Это было приятно.

Я закрыла ведомость, сказала кладовщику «спасибо» и пошла обратно через коридор. Воспитанницы должны были быть ещё на завтраке.

Должны были.

Я услышала голоса раньше, чем вышла к залу. Много голосов — придавленных, испуганных. И поверх них — один. Тихий, но с таким весом, что остальные замолкали сами:

— Следующая.

* * *

Большой зал для занятий. Утреннее солнце режет косо, тени длинные.

Вдоль правой стены — все тридцать две. В ночных рубашках. Многие без накидок — не успели. Стоят плотно, молчат. На их лицах — то выражение, которое бывает, когда не понимаешь, что происходит, но очень боишься понять.

Он идёт вдоль ряда.

Медленно. Останавливается перед каждой. Смотрит. Берёт за подбородок, поворачивает лицо. Просит протянуть руку. Девушки не отказывают — потому что это дракон, и рядом нет никого, кто сказал бы «нет».

Директриса Вессер стоит у дальней стены. Видит неправильное — и молчит.

Мэрион рядом с ней — руки сжаты у бока так, что побелели костяшки.

Советник Императора у двери. Записывает.

Юния в ряду едва заметно дрожит.

— Следующая.

Я вошла в зал.

* * *

— Стоп.

Слово вышло без подготовки. Пятнадцать лет профессионального контроля, три секунды взгляда, «помните о протоколе» — всё ушло. Потому что Юния дрожала. Потому что Лиоранна — та самая Лиоранна, которую я вытащила из зелья, которая пять дней назад впервые понюхала куст просто потому что захотела, — стояла прямо и смотрела в стену с выражением человека, решившего не бояться, потому что бояться унижительно.

В зале стало тихо.

Он обернулся. Посмотрел на меня — медленно, как смотрят люди, которым плохо и которые ещё не решили, раздражение это или угроза.

— Управляющая.

— Прекратите.

— Это не ваше дело.

— Это моя Академия, — сказала я. — И это мои воспитанницы. Прекратите немедленно.

— Я ищу...

— Я знаю, что вы ищете. — Я шла к нему — не быстро, просто шла, потому что с тридцати шагов неудобно говорить то, что нужно было говорить. — И то, что вы это ищете — не даёт вам права делать вот это.

— Это протокол смотря, — сказал он. Ровно. Почти убедительно, если бы не то, что в его лице было что-то нехорошее — слишком натянутое, слишком острое. Он не был в порядке. Это было видно. — Расширенный осмотр при неопределённом результате — стандартная практика.

— Расширенный осмотр в шесть утра без предупреждения, без разрешения, в ночных рубашках — это не практика. — Я остановилась в двадцати шагах от него. — Это называется иначе. И вы это знаете.

— Я Хранитель древнего рода, и у меня есть право...

— Право, — повторила я. Тихо — потому что когда говоришь тихо, люди вынуждены слушать внимательнее. — Вы хотите говорить со мной о праве. Хорошо. У этих женщин тоже есть права. Право проснуться в своей комнате. Право одеться прежде, чем их выстроят в ряд. Право не быть товаром, который перебирают в поисках нужного.

— Они здесь именно для этого.

В зале стало совсем тихо — той особой тишиной, которая бывает, когда кто-то сказал то, что думал, и только сейчас понял, что вслух.

Я смотрела на него.

Он сейчас не соображает нормально. Это видно. Жар, который он искал три дня, — он его разносит.

Но это не оправдание.

— Нет, — сказала я. — Они здесь не для этого. — Я снова пошла вперёд. — Они здесь, потому что их семьи верили, что Академия — место, где с ними будут обращаться достойно. Не как с инвентарём, который перебирают до тех пор, пока не найдут нужный размер.

— Вы не понимаете, что я...

— Мне плохо! — я перебила его его же словами — точнее, теми, которые угадала за этим ровным голосом. — Я понимаю. Вам плохо, вы не спали, вы три дня не можете найти то, что ищете, и это физически невыносимо. — Я сделала ещё шаг. — И мне жаль. Правда. Но прямо сейчас вы стоите посреди зала и причиняете боль тридцати двум людям, которые ни в чём не виноваты. И это не делает вас жертвой ситуации. Это делает вас человеком, который причиняет боль.

— Я не человек, — сказал он.

— Значит, ведите себя лучше, — сказала я.

Тишина.

В его лице что-то прошло — быстро, почти неуловимо. Не злость, не согласие. Что-то между.

— Вы хотите, чтобы я ушёл, — сказал он. — И оставил всё как есть.

— Я хочу, чтобы вы отпустили их прямо сейчас. — Я стояла уже в десяти шагах. — А потом — да. Уйдите. Придите в себя. И если хотите продолжить поиск — придите завтра, с нормальным запросом, в нормальное время, без того, чтобы будить людей на рассвете.

— Завтра будет поздно.

— Почему?

— Потому что... — Он замолчал. Потёр лоб — быстрым, не очень осознанным движением. — Вы не понимаете, как это работает.

— Тогда объясните.

— Это... — Он смотрел на меня с выражением человека, которому нужно объяснить цвет тому, кто никогда не видел. — Это как слышать звук и не понимать, откуда он идёт. Три дня. Я знаю, что она здесь. Я чувствую это каждую секунду. И я не могу...

Он не договорил.

Я смотрела на него.

Три дня. Он чувствует это три дня.

Так же, как я.

Нет. Не так же. Аелия сказала — человеческая сторона пассивна. Это не я. Это совпадение.

Это совпадение.

— Я понимаю, что это невыносимо, — сказала я. Тише, чем говорила раньше. — Но они невиноваты в том, что вам невыносимо. — Шаг. — Отпустите их. Пожалуйста.

— Если я уйду сейчас — я вернусь ни с чем.

— Значит, вернётесь с достоинством, — сказала я. — Это уже что-то.

Он смотрел на меня. Долго.

— Вы очень неудобный человек, — сказал он наконец.

— Знаю, — согласилась я. — Отпустите их.

Что-то в нём решилось — и именно в этот момент, пока оно решалось, пока он набирал воздух, чтобы сказать что-то — воздух в зале изменился.

Я почувствовала это раньше, чем поняла что именно.

Жар — не снаружи. Изнутри. Вверх по рёбрам, в горло, в кончики пальцев. Как будто кто-то открыл окно, которое было закрыто очень долго, и внутрь пошло то, что снаружи.

Нет.

Нет, нет, нет — я устала, я три дня на нервах, это физиология, это...

Он замер.

Смотрел на меня — и в его взгляде было что-то новое. Не злость, не усталость. Что-то острее и тише одновременно. Как будто он только что услышал тот звук, который искал три дня, — и понял, откуда он идёт.

— Ты, — сказал он. Очень тихо. Не мне — сам себе. Как ответ на вопрос, который задавал долго. — Это можешь быть ты.

— Не подходите, — сказала я автоматически.

— Ты чувствуешь это.

— Я ничего не чувствую.

— Ты лжёшь, — сказал он. — Я слышу ложь.

Я открыла рот. Закрыла.

Детектор лжи. Аелия предупреждала.

Хорошо.

— Я чувствую что-то, — сказала я. — Я не знаю что. И это не значит...

— Это значит именно то, что ты думаешь.

— Я не воспитанница! — Голос у меня поднялся — первый раз за весь разговор. — Я не из отобранных, я не из тех, кого сюда привезли для этого. Я управляющая. Временная. Я здесь, чтобы починить то, что сломано, а потом уйти. Это моя работа. И вы, — я сделала шаг к нему, потому что он двигался ко мне и я инстинктивно держала дистанцию, которая всё равно сокращалась, — вы не можете просто...

— Управляющая, — сказал он. В его голосе было что-то, от чего я остановилась. Не угроза. Усилие. — Не двигайся.

— Почему?

— Потому что если ты подойдёшь ближе — я не смогу...

Я подошла ближе.

Не потому что не слышала. Не потому что хотела. Потому что между «не смогу» и следующим шагом прошло меньше секунды, и эту секунду я потеряла — не нашла потом, куда она делась.

Три шага между нами.

Потом два.

Жар стоял уже везде — в воздухе, в руках, в голове, где должны были быть список и пункты и «завтра». Их не было. Было только это: он в двух шагах от меня, с лицом человека, который наконец нашёл то, что искал три дня и пятьдесят лет, и не знает, что с этим делать.

— Посмотри на себя, — сказала я. Голос у меня стал другим — тише, и я не знала почему. — Ты поднял их на рассвете. Ты не спал. Тебе плохо и ты делаешь ошибки, потому что тебе плохо. Это...

Моя рука поднялась.

Я не просила её этого делать.

Жест — просто жест, просто «посмотри на себя», просто пальцы у его лица — одно касание, скула, линия челюсти.

И мир сломался.

* * *

Не больно.

Свет шёл изнутри — из точки касания, мгновенно, по руке, по плечу, по всему, — горячий и живой и невозможный. И одновременно — его лицо очень близко, и в его глазах что-то абсолютное: не удивление, не страх. Узнавание.

— Ты, — сказал он снова. Иначе. Как будто первый раз вслух.

Потом темнота.

* * *

Тридцать две девушки стояли вдоль правой стены и смотрели.

Никто не двигался.

Лиоранна Серрейская — она стояла ближе остальных, третьей от края — видела это первой. Видела, как управляющая подняла руку, как пальцы коснулись его лица, как вспышка пошла сразу по обоим — не снаружи, а из них. Видела знак на её запястье — светлый, живой, сложный — и зеркальный ему на его руке.

— Метка, — сказала она. Тихо. Сама себе.

Рядом Юния выдохнула — не слово, просто звук.

Он подхватил её — в ту секунду, когда она начала падать, — поймал с точностью человека, у которого рефлексy работают быстрее мысли. Придержал. Стоял неподвижно — как будто боялся сдвинуться.

На его запястье горел знак.

Он смотрел на неё. На её лицо — спокойное сейчас, без списков, без профессионального ровного голоса. Просто лицо.

— Господин, — сказал Верк от двери. — Господин, вы...

— Тихо.

Советник Императора стоял с открытой записной книжкой и пером, которое так и не коснулось бумаги. Директриса Вессер держалась за спинку стула.

Аелия Вейская, которая появилась в зале где-то в середине — никто не заметил когда, — стояла у дальней стены и смотрела на обоих с выражением человека, который всё понял первым.

— Это... — начала директриса. Голос у неё был чужой. — Это невозможно. Она не воспитанница. Она не из отобранных. По протоколу истинная должна быть из...

— Метка настоящая, — сказала Аелия. Спокойно. — На обоих. Это видят все.

— Но он должен был выбрать! — Директриса повернулась к советнику, как к последней инстанции. — Дракон выбирает. Так всегда. Так работает связь!

Советник медленно опустил перо. Посмотрел на метку на запястье управляющей. На зеркальную — на его.

— Она подошла первой, — сказал он. Медленно, как человек, который говорит то, что видел, и ещё не уверен, как это называется. — Она коснулась первой. Пока они ещё все стояли в зале.

Пауза.

— Она выбрала, — сказала Аелия.

Тишина.

Тридцать две девушки в ночных рубашках вдоль правой стены. Директриса, держащаяся за стул. Советник с опущенным пером. Верк у двери с лицом человека, который за три столетия службы думал, что видел всё — и ошибся.

И он — посреди зала, с меткой на запястье, с ней на руках, — смотрел на её лицо и не двигался.

За окном поднималось утреннее солнце. Академия начинала свой день.

Всё остальное только что перестало быть тем, чем было вчера.

♥# Если любите драконов и сильных героинь, вас уже ждёт роман *«Всадница Дракона. Попаданка для Командора»*.

Глава 8. Истинная

Первое что я почувствовала — тепло.

Не снаружи — изнутри. Тихое, ровное, как будто кто-то оставил свет в комнате, которая давно привыкла к темноте. Я лежала и чувствовала его прежде, чем открыла глаза, и сонная часть меня решила, что это, вероятно, хорошо.

Потом я открыла глаза.

Он сидел в кресле у стены.

Не дремал — просто сидел. Прямо, со скрещёнными руками, смотрел на меня. Окно за его спиной было синим — ранний рассвет, не позже пяти. Значит, он сидел здесь как минимум несколько часов.

Хорошо,

— снова сказала сонная часть меня.

Проснись,

— сказала профессиональная часть.

Я посмотрела на запястье.

Метка светилась — слабо, но видно. Сложный узор, ни на что не похожий. Тёплый. Я дотронулась до него пальцем другой руки, и тепло ответило — разлилось вверх по ладони, тихо, как кот, которого погладили.

Это на всю жизнь.

Только теперь уже не в том смысле, в каком я думала раньше.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.